ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

Украина, Киев.
Государственная академия кадров культуры и искусств.
Кандидат философских наук, доцент, докторант.

Ukraine, Kiev.
National Academy of Personnel Management / Center of Arts and Culture. Department of Theory and History of Culture.
PhD, Seigneur Lecturer.

darenskiy@yahoo.com

НОВОРОССИЯ: «РАНА МОДЕРНА»

В статье анализируется специфика Новороссии как культурного региона. Проясняется специфика мировоззренческих форм интенсивного Модерна. Рассмотрен феномен «раны Модерна» как специфического экзистенциального мотива в ментальности людей с «новороссийской» идентичностью. Уделено особое внимание историософским аспектам феномена «новой Руси», а также концепции «новороссийской» идентичности.

Ключевые слова: *Новороссия, Модерн, идентичность, регион, Русь, ментальность.*

Novorossia: The "Wound of Modernity"

The details of Novorossia, as a cultural region, are analyzed in this article. In addition, the worldview forms of intensive Modernity as a historical fact are also discussed. The phenomenon of an "existential wound", as a specific motive of Novorossian mentality and world-experience is examined in article. In addition, special attention is devoted to interpreting some historiosophic senses of the phenomenon of "New Russia". Finally, the article proposes the conception of Novorossia's regional identity.

Key words: *Novorossia, modernity, identity, region, worldview*

Там наша Русь заново перестраивается…
Г. П. Данилевский. «Беглые в Новороссии».

В последние годы уже было почти забытое историческое имя «Новороссия», обозначающее земли юга и востока Украины, становится все более известным и популярным в этой стране. Главная ценность актуализации «новороссийской» идентичности на уровне массового сознания состоит не только в восстановлении подлинной исторической памяти живущего здесь народа и исторической справедливости, но и в возможности формирования новой, точнее — возрождения исконной культурно-исторической идентичности населения этих территорий. Эта идентичность может быть названа «новой» очень условно, лишь в контексте современной государственной политики «украинизации» этих земель, но с точки зрения «большой Истории» эта идентичность как раз наоборот, укоренена в многовековую историческую традицию, стихийно сохраняющуюся в народном самоощущении.

Украинская Новороссия является самым большим в мире конгломератом русскоязычного населения за пределами Российской Федерации — около 20 миллионов человек. Вместе с почти полностью русскоязычным Киевом она составляет то «русское сообщество Украины», которое фактически является опорой и украинской экономики, и основных сфер культуры этой страны. Стоит привести суждение известного киевского философа С. Б. Крымского, который отнюдь не отличался особой «русофилией». Согласно его формулировке, «русское сообщество Украины» ныне «представляет собой примерно половину граждан Украины и демонстрирует при этом не вынужденное русскоязычие, а культурную потребность, выработанную историей, духовно-культурной традицией, работать, общаться на русском языке, жить в соответствии с ценностными установками русской культуры. Категорически невозможно применить в определении «русского сообщества» критерии, которые обычно применяются при классификации какой-либо определенной социальной группы людей, например, национального меньшинства. Если же исходить из подобного отождествления «русского сообщества» и «национального русского меньшинства», то мы столкнемся с элементарной логической ошибкой «подмены понятий». В ситуации же, когда под русским сообществом Украины понимают носителей русской культуры, тем более нельзя говорить о какой-то части украинского населения, потому что в этом случае *русское сообщество будет составлять основную цивилизационную составляющую украинской нации* в современном политическом смысле данного понятия» [Выделено нами — *В. Д.*][1]. В целом следует отметить, что в современной Украине идентичность граждан, принадлежащих к общности «Русского мира» (независимо от их этнической принадлежности) и стремящихся защищать это свое своеобразие, присутствует довольно широко, охватывая более половины населения страны. В частности, по

[1] Крымский С. Б. Русское сообщество Украины (РСУ) // Русский мир Украины. Энциклопедический словарь. — К.: Радуга, 2008. С. 150.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

социологическим данным, в 2002 году при опросе молодых людей от 16 до 34 лет под патетическим названием «Первое свободное поколение на Украине — кто они?» около 60% из них ответили, что считают украинцев и россиян двумя частями одного и того же народа; а 61% граждан Украины всех возрастов поддержали курс на реинтеграцию Украины и России в единое экономическое и военно-политическое пространство (этот опрос проводился во всех пропорционально представленных регионах страны)[2]. В годы независимости Украины продолжался рост русскоязычной части населения Украины, которая, несмотря на жесткую украинизацию СМИ и системы образования, тем не менее, впервые превысила 50%. Приведенные данные свидетельствуют, что *единство различных этносов в рамках единой русской нации и цивилизации представляют собой «упрямый» факт, а их стремление к дальнейшей реинтеграции — это естественно-исторический процесс*, на который не может серьезно повлиять силовая политика государства, в частности, обработка массового сознания антироссийской пропагандой.

Помимо всего этого, украинская Новороссия интересна и с чисто культурологической точки зрения в качестве региона, в котором процессы модерна (т. е. урбанизации, индустриализации, разрушения «традиционного общества» и смешивания различных этносов по модели «плавильного котла») протекали стремительным и травматическим образом, формируя особый ментальный тип людей и специфический тип исторической памяти.

Проясним термины. К настоящему времени сложилось понимание Новороссии как обширных территорий великой евразийской Степи от Дуная до Алтая, колонизированных русским земледельческим населением благодаря их вхождению в состав Российской Империи. В «украинском контексте» термин «Новороссия» приобретает более узкий и специфический смысл — он обозначает не только земли бывшей Новороссийской губернии, но практически всю степную зону страны (около половины территории нынешней Украины), которая была колонизирована исключительно благодаря вхождению в состав Империи, усмирению и эмиграции кочевых народов, ранее заселявших эти земли. В настоящее время практически строго по границам Новороссии проходит граница «электоральных полей» — между частями страны с «бело-голубым» и «оранжевым» преобладанием. А в 1918 году земли Новороссии входили в состав самостоятельной Донецко-Криворожской Республики, в одиночку сражавшейся с Германией уже после заключения Брестского мира. Столь четкое совпадение границ свидетельствует о наличии исторической преемственности, которая в настоящее время проявляется в первую очередь на языковом и культурно-психологическом уровне[3].

Наконец, третий смысл термина «Новороссия», в настоящее время разрабатываемый рядом авторов и имеющий большое будущее, лежит в принципиально ином, уже не географическом, а *мировоззренческом* плане. Речь идет об особом «новороссийском» этапе развития всей русской нации в целом, суть которого состоит в «прохождении через модерн», то есть в изменении многих черт самой цивилизации Русского мира, которое происходило в ходе урбанизации и секуляризации XX века, в исторических катастрофах, которыми оно сопровождалось. Именно этот смысл термина, очевидно, становится все более актуальным в настоящее время, поскольку он связан с будущими судьбами русской нации, с ее способностью преодолеть «травмы модерна» (в первую очередь, кризис семьи и демографический кризис как прямые последствия катастрофической секуляризации).

Далее мы кратко очертим две темы: ретроспективу исторического формирования «новороссийской» идентичности, во многом объясняющую и факт ее устойчивости в условиях современной Украины, и перспективу ее возрождения (но уже не только в историческом, но и в некоем символическом смысле: в качестве символа *обновленной* Руси и обновленного народа).

Колонизация великой Степи — как историческая основа появления Новороссии — относится к «архетипам» восточнославянской и общерусской истории. В этом смысле можно сказать, что первым «новороссом» был князь Святослав, который не мог усидеть в Киеве, он покорял Степь и погиб в Степи. Еще ранее первыми «новороссами» можно условно назвать славян «пеньковской» археологической культуры, первыми двинувшимися из лесов на юг, к самому Черному морю (VI–VII вв. н. э.). Таким образом, появление казачества (впервые под Рязанью, в середине XV в.), — этих первых «профессиональных» покорителей Степи, — соответствует намного более древней общей закономерности славянской и русской истории. Очевидно, что именно *казачество было первым историческим типом новороссов и прообразом всех последующих*. В Степи в XVI–XVII вв. формируется особый культурно-психологический тип, основными чертами которого является военный и подвижный (полукочевой) образ жизни, а также «служилый» менталитет. На западной окраине Степи-Новороссии, в Запорожье, вследствие разрушения общинного образа жизни, сформировался особый «бессемейный» тип казачества, который делал его явлением не вполне самостоятельным, зависимым от притока людей с «волости», а значит, и неизбежно вступавший в конфликт с государством. Это во многом и обусловило катастрофизм истории западной окраины Новороссии — Приднепровья — в XVII веке. Позднее же эта часть казачества, переселившись на Кубань, постепенно утратила указанную особенность и в настоящее время, как известно, их прямые потомки отличаются очень сильным русским государственническим сознанием.

Выдающийся русский историк культуры П. М. Бицилли в свое время первым из профессиональных историков имел смелость заметить, что «украинизаторы» без всяких на то оснований «присваивают Украине казачество, истолковывая казачество, явно областническое движение, как "национальное"»[4].

[2] Филатов А. С. Российский социокультурный фактор на Украине и в Крыму // Сб. мат. научно-практич. конф. «Крым в контексте Русского мира: язык и культура» / Отв. ред. А. С. Филатов. — Симферополь: «Таврия», 2004. С. 46–47.

[3] В последнее время стали появляться академические работы, касающиеся отражения новороссийской ментальности в литературных памятниках, в частности, стоит отметить статью: Горизонтов Л. Е. Новые земли империи в зеркале культурных традиций: Новороссия Г. П. Данилевского // Ландшафты культуры. Славянский мир. — М.: Прогресс-Традиция, 2007.

[4] Бицилли П. М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории // Бицилли П. М. Избранные труды по филологии / Отв. ред. член-корр. РАН В. Н. Ярцева. — М.: Изд. «Наследие», 1996. С. 126.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

Действительно, весьма «упрямым» фактом является то обстоятельство, что история запорожского казачества — это часть истории Новороссии, не имеющая отношения к особой «украинской» истории и фактически узурпированная последней. Во времена существования Запорожья единственным носителем «украинской идеи» — т. е. идеи отрыва южнорусского этноса от единства Русского мира — было униатство, временно почти уничтоженное теми же самыми запорожцами во время войны Хмельницкого. Запорожцы, как известно, именовали себя исключительно «русскими», а слово «украинец» им было так же абсолютно неизвестно, как оно было неизвестно и всему населению Юго-западной Руси вплоть до большевистской украинизации 1920–1930-х годов (в частности, его никогда не употреблял и Т. Шевченко).

Особый «промежуточный» тип представляет собой население слободской Украины. Автор «Статистического обзора Слободско-Украинской губернии» (1830-е гг.), говоря об особенностях местного населения, отмечал следующее: «Великороссияне славны тем, что если чего-то не знают, то перенимают из чужих краев. Однако если посмотреть на те перемены, которые появились у слобожан в общественном и домашнем быту, в воспитании и поведении их между собой, в общественных и частных домах, школах и образовании, в торговле и убранстве, если сравнить все это с тем, что было 30–40 лет тому назад, то придется согласиться с тем, что слобожанин едва ли не больше перенял за это время, чем его учителя великороссияне»[5]. Как видим, слобожанцы — это те выходцы из Юго-западной Руси, которые по своим индивидуальным чертам в наибольшей степени оказались близки народу Руси Северо-восточной, поэтому и стремились жить с ним в едином государстве, переселяясь на его территорию еще *до* официального воссоединения.

Следует отметить, что именно великорусский этно-психологический тип был более органично связан с новороссийским типом — как в казаческую, так и в более позднюю, уже индустриальную эпоху. Можно привести множество примеров из русской классической литературы, в которых глубоко показано это свойство великорусского менталитета. Например, как писал В. И. Даль, в большинстве великорусских селений «не найдете вы мужика-домоседа, мужика, который не видал бы свету… Может быть, это обстоятельство объясняет сильную наклонность, всегдашнюю готовность крестьян наших к переселению; едва ли проходит два-три года сряду, чтобы какой-нибудь пустой, нелепый слух, бестолковая молва, бессмысленная сказка — прилепленная самым диким образом, ни к селу, ни к городу, к новому постановлению или узаконению, — чтобы… не подняла вдруг целые селения на ноги — Бог несть куда, в какой баснословный край»[6]. В. И. Даль восхищается этой житейской легкостью, свежестью и отвагой, которые свидетельствует об одухотворенности, большой внутренней силе и нравственном здоровье народа, который не боится никакой неизвестности, более того, именно в них и находит сам вкус земного, бренного своего бытия, не делает фетиша из пошлого уюта, материального благополучия и безопасности, как это стало свойственно народам Запада. Кроме того, можно вспомнить и эпическое размышление Л. Н. Толстого в «Войне и мире» по поводу жизни крестьян: «Как птицы летят куда-то за моря, стремились эти люди с женами и детьми туда, на юго-восток, где никто из них не был. Они поднимались караванами, поодиночке, выкупались, бежали, и ехали, и шли… Многие были наказаны, сосланы в Сибирь, многие с холода и голода умерли по дороге… Но подводные струи не переставали течь в этом народе и собирались для какой-то новой силы»[7]. Характерно также, что уже несколькими страницами позже Л. Н. Толстой показывает, как те же самые крестьяне ни при каких условиях не соглашались эвакуироваться перед наступающими французами. Это делает очевидным, что русская привычка вольного освоения пространств отнюдь не является выражением «анархизма», и не противоречит чувству долга перед Отечеством.

В свою очередь, в классической литературе можно найти и ряд ярких манифестаций мировосприятия и менталитета человека «новороссийского» типа. Он очень ярко отражен, в частности, в «знаковых» для этой темы романах Г. П. Данилевского «Беглые в Новороссии» (1862), «Новые места» (1867) и др. Более того, к произведениям «новороссийского» типа следует отнести, в частности, и «Энеиду» Ивана Котляревского — написанная на местном языке (полтавском диалекте), она отражает нравы западной окраины Степи — Поднепровья. В целом в Новороссии стал абсолютно доминирующим русский язык. Это обусловлено не только и не столько численным преобладанием великорусского этноса (это было не везде), сколько его особыми культурно-психологическими качествами, о которых уже написано достаточно много[8].

Тот факт, что именно великая Степь — Новороссия на всем ее протяжении стала главной ареной Гражданской войны 1918–1920 годов, объясняется не только обстоятельствами экономического и геополитического плана, но в не меньшей степени и тем, что здесь проживал тот культурно-психологический тип людей, который в наименьшей степени был склонен подчиняться диктатуре большевиков. Если для великорусского менталитета новая власть легче принималась, в силу привычки воспринимать само государство как феномен сакрального порядка; если для южно-русского типа принятие новой власти облегчалось привычкой жить по принципу «моя хата с краю», то именно здесь, в Степи — Новороссии жил народ, у которого такие культурно-психологические «амортизаторы» отсутствовали. Но, с другой стороны, именно здесь имелось и огромное скопление новороссов уже совсем другой формации, возникшей позднее — в эпоху индустриализации. Именно эти люди, сформированные урбанизацией и секуляризацией, стали главной массовой опорой большевиков, превратив всю русскую Степь в поле братоубийственной битвы. И «новые» новороссы победили «старых». О том, как происходил трагический переход от «старого» к «новому» типу новороссов, ломая судьбы миллионов людей, повествует подлинный *эпос Новороссии* — роман «Тихий Дон».

Вторая формация новороссов — население новых промышленных городов Степи, быстро разраставшихся с се-

[5] Багалій Д. І. Історія Слобідської України. — Х.: «Дельта», 1993. С. 174.
[6] Даль В. Н. Избранные произведения. — М.: «Правда», 1983. С. 207.
[7] Толстой Л. Н. Война и мир: Том третий // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12-ти томах. — Т.V. — М.: Правда, 1984. С. 151.
[8] См.: Кожинов В. В. Россия как уникальная цивилизация и культура // Кожинов В. В. Победы и беды России. — М.:ЭКСМО-Пресс, 2002.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

редины XIX века и особо плотно сконцентрировавшихся в западной, украинской ее части, — унаследовала ряд черт предшествующего, «казачьего» типа. Но принципиальное ее отличие состояло в том, что этот тип формировался на основе *разрыва с традициями* (не только религиозными) — это был по сути «пролетарский» тип не только в чисто экономическом, но и в более общем культурно-психологическом отношении. *В городах русской Степи модерн приобрел, возможно, самый стремительный характер, чем где бы то ни было в мире*. Это, собственно, были и не города в старом смысле слова — а громадные рабочие поселки или припортовые поселения. Именно в трущобах Донбасса, Екатеринослава, Одессы, Харькова и Луганска уже в конце XIX века едва ли не впервые в мире возник тип человека, пришедший к власти в веке XX, — человека без корней и без каких-либо живых традиций, верящего только в чаемое душой «светлое будущее», ради которого он без всякого сожаления готов разрушить «все до основания». Именно здесь модерн стал отнюдь не романтическим периодом просвещения и «эмансипации», но настоящей *раной в человеческой душе*, опустошенной утратой традиций и тоской стандартизированного труда.

Нужно отметить, что предпосылки формирования здесь именно такого человеческого типа возникли еще до периода индустриализации. Стоит привести важное свидетельство писателя И. С. Аксакова, во время Крымской войны служившего офицером государственного ополчения. Он писал о жителях этих земель: «Очевидно, что в этом пришлом народонаселении нет никакой привязанности к России, да и не к чему привязаться, потому что оно не в России, а в Новороссии; нет почвы туземной, в которую можно было бы пустить корни». Немецкие колонии в Саратовской губернии и те, по его мнению, теснее связаны с Россией. Осевшие в Новороссии русские в основном из беглых, и даже, по его мнению, враждебны России и не испытают никакого сожаления, отделись край от империи. В Новороссии русские будто на чужбине». Поэтому население непосредственно прилегающего к театру боевых действий региона гораздо менее интересуется войной, чем внутренняя Россия. «Выбор пункта для нападения на Россию очень удачен, — заключал Аксаков. — Это самое слабое ее место»[9]. «Не испытают никакого сожаления, отделись край от империи» — не это ли произошло в 1991 году?

Еще в конце 1830-х годов министр внутренних дел Д. Н. Блудов писал о «Новороссийском крае», что здесь нет «никаких общественных связей, кроме подчиненности одному центру управления»[10]. Исчезнет один центр — найдется какой-нибудь другой, и никто не станет особо переживать по этому поводу. Народ без корней и традиций, с «малой родиной», но без Родины в сакральном смысле слова — это классический «продукт» модерна.

Впрочем, человек, раненый модерном, обычно весьма горд и мнит себя особо избранным самой Историей. «Что старая Диканька! что из того, что ее вместе с старосветскою умирающею Украиною воспел Гоголь! — восклицает герой романа Г. П. Данилевского "Беглые в Новороссии". — Эта старосветская Украина была когда-то хороша! Теперь это все еще милая, но уже печальная и пустынная могила... Жизнь здесь, а не там, здесь, у нас, в нашей Новороссии! Здесь все надежды юга! Отсюда выйдет его будущность»[11].

Однако «Новой Америкой», как позднее назвал эти места А. Блок, Новороссия не стала. В романе «Новые места» сам Г. П. Данилевский отмечал: «Места здесь новые; но люди, страсти и привычки людей старые, ветхие»[12]. Почему же так? Как это ни парадоксально на первый взгляд, под внешней «оболочкой» модерных преобразований, на уровне *глубинных мотивов* людей, сюда приходящих, доминировала скорее архаика — стремление отнюдь не к новизне как таковой, но, наоборот, к возможности пожить по своему, чтобы никто не мешал. Так, в «Тихом Доне» Аксинья упрашивает Григория Мелехова бежать из станицы на шахты — чтобы жить по своей дикой, незаконной любви, и забыть о тысячелетней христианской совести и морали. Внешне это выглядит как «эмансипация» (это признак модерна), но именно на уровне глубинных мотивов — это именно *архаизация*, отказ от труда цивилизации. Характерно, что в русской литературе в своей классической форме этот мотив показан в «Цыганах» А. Пушкина, чье действие происходит как раз здесь, точнее, совсем рядом — в Бесарабии, географической «сестре» Новороссии.

И Российская Империя, двигаясь к южному морю, словно возвращалась к самым истокам цивилизации, «вростая» в ойкумену древней Эллады. Поэтому здесь множество русских городов, названых по-гречески: «полис». Главный из них Севастополь — «достойный поклонения». И Одесса — «указующая путь». А главное — здесь, на самой южной оконечности земель — в древнем Херсонесе, славном «Корсуне» — место рождения самой Руси в купели крещения св. равноапостольного князя Владимира. И вот так, входя в XVIII веке в самое средоточие общеевропейского модерна, Россия возвращалась к собственным историческим глубинам и истокам — вбирая священные для нее земли, веками попиравшиеся иноверцами, в свое великое державное тело!

Новороссия — эта русская Степь у «лукоморья» — со времен Святослава до времен славного казачества, а от него — до трагедий Гражданской войны, подвигов Индустриализации и братских могил Великой Отечественной — всегда была землей жертвы и массового подвига. Таков ее genius loci.

Впрочем, людей, которые хотели бы здесь создать лишь свой вариант американского «процветания», было достаточно много. Так, в 1789 г. на землях бывшей Запорожской Сечи поселилась секта прусских менонитов, получив денежную помощь, пожизненное освобождение от воинской службы и тридцатилетнее освобождение от налогов. Каждый из этих поселенцев получил по 65 десятин на душу наилучшего чернозема на Хортице и на Днепровских берегах. В середине XIX ст. было уже на древнем Запорожье более 100 тысяч немецких колонистов. Т. Шевченко в поэтическом обращении «І мертвим, і живим, і ненарожденим…» переживал это, казалось бы, простое обстоятельство как некой мистический факт *поругания святынь*:

[9] Цит. по: Горизонтов Л. Е. Новые земли империи в зеркале культурных традиций: Новороссия Г. П. Данилевского С. 142.

[10] Там же.

[11] Данилевский Г. П. Беглые в Новороссии // Данилевский Г. П. Романы. — М.: Худ. лит., 1987. С. 135.

[12] Данилевский Г. П. Новые места. Роман. // Русский Вестник. 1867. — № 2. С. 612.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

І на Січі мудрий німець
Картопельку садить…
А чиєю кров'ю
Ота земля напоєна,
Що картопля родить, —
Вам байдуже…

Это безразличие («байдуже») к крови, на которой столь прагматично растет картофель, поэт ощущает как метафизический тяжкий грех, за который народу неизбежно будет кара — и в истории это произошло неоднократно. И прагматичные менониты здесь не прижились: часть из них уехала уже после революции, а другая часть бежала вместе с гитлеровцами, с которыми они очень активно сотрудничали. (Как известно, по плану «Ост» предполагалось всю Новороссию и Крым заселить немцами, ликвидировав местное население). Словно наш genius loci не позволил этой земле изменить своему жертвенно-героическому призванию и превратиться в край прагматичного комфорта.

На рубеже XIX–XX веков зрелище промышленных гигантов, внезапно встающих на фоне дикой «скифской» степи, также вселяло в поэтов почти мистический трепет. Впрочем, А. Блок прозревал в этом и образ некой новой Руси, которая неумолимо приходит на смену прежней. Вот фрагмент важного и знакового для нашей темы стихотворения А. Блока «Новая Америка», написанного 12 декабря 1913, в самый канун Первой мировой войны:

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон…

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки…
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг…

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта…

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!..

Мистический образ *угля* как «подземного мессии» имеет глубокие культурные коннотации — непосредственно он соотносится с «золотом Рейна» из трагедии «Кольцо Нибелунгов» Р. Вагнера, «культового» произведения для эпохи символизма. Это — символ вынужденного нисхождения во тьму, чтобы добыть оружие для победы и новую мудрость. И А. Блок глубоко и совершенно правильно прозревал в этом видении индустриальной Новороссии ту общую неотвратимую судьбу, которую должна будет пройти Русь, чтобы выжить в современном жестоком мире. Правда, и та старая, но всегда живая *вечная* Русь на самом деле никуда не исчезнет, но лишь вынуждена будет спрятаться в железную броню современной цивилизации, чтобы не быть раздавленной своими врагами. В XX веке это удалось, но удастся ли в нынешнем?

Как пишет современный российский автор Е. Морозов, «не составляет труда определить, в начале какого цикла мы находимся в XXI веке. Начинается Новороссийский цикл… Название ему дали новороссы — русский субэтнос, сложившийся в Великой Степи после ликвидации в ней татарского контроля, в XVIII–XIX вв. Невооруженным глазом видно, что именно новороссы, от Дуная до Алтая, берут на себя функцию системообразования и энергично формируют новую Россию. XXI век будет веком становления Новороссии в политическом плане»[13]. «Жизненным миром», «ландшафтом» этого нового *мегаэтноса*, обусловившим закономерность и неизбежность его появления, является *новое индустриальное пространство*: мегаполисы, рабочие поселки, стройки, вообще все новые поселения эпохи модерна, предшественником и «архетипом» которых, действительно, было освоение евразийской Степи. Вследствие сущности своего происхождения, мегаэтнос новороссов изначально «болен» всеми болезнями модерна: разрушением традиций, ценностного сознания, кризисом семьи и т. п. Его жизнеспособность самым непосредственным образом зависит от того, насколько ему удастся победить эти болезни. От этого напрямую зависит, смогут ли новороссы выполнить свою великую историческую задачу удержания и наполнения огромных пространств от Прибалтики до Тихого океана, реинтеграции и возрождения Русского мира.

Итак, вот основная *экзистенциальная* черта современного «новоросса»: изначально — это русский человек, судьбами истории выпущенный скитаться по своей воле, никому ничем не обязанный, лишенный памяти и корней. И поэтому он легко становился и соавтором, и жертвой катастрофических социальных «экспериментов». Но в XX веке этот соблазн ценой колоссальных жертв был пройден и преодолен. Теперь же парадоксальным образом старое слово «Новороссия» приобретает свой исконный буквальный смысл: это *новая, возрождающаяся Русь*. Поэтому это слово перестает быть термином чисто географическим, но становится нравственным понятием-символом. Можно сказать, что та часть населения Украины, которая хочет защитить свой общерусский язык и не приемлет «евродеградацию» — это суть новороссы в *нравственном* смысле: это люди, верящие в Новую Русь и уже фактически являющиеся ее органической частью.

Подлинной Родиной современных новороссов с самого начала являлась и является ныне не какая-либо этническая территория, но именно огромное Государство — носитель цивилизационного проекта всемирно-исторического масштаба. И эта «всемирность» исторического мироощущения настолько глубоко вошла в саму душу новороссов, что, оказавшись с 1991 года в затхлом пространстве «маленькой национальной державы», столь милой сердцу человека с доисторическим этноцентри-

[13] Морозов Е. Как нам сохранить Дальний Восток? // Москва. — 2005. № 11. С. 121–122.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

ческим сознанием, они теперь ощущают себя попавшими в духовную тюрьму, выброшенными из большой истории. Поэтому устойчивое отвращение и даже презрение новороссов, — даже и тех из них, которые в свое время «не испытали никакого сожаления, отделяясь от империи», — к так называемой «украинской идее» совершенно естественно.

Такое мироощущение не только обусловлено исторически, но что еще важнее, сохраняет *нравственное* отношение к своей истории. Ведь Новороссия — исключительный продукт Империи: она возникла благодаря гению Екатерины Великой и ее не менее великих «орлов»-сподвижников. И нынешнее возрождение памяти о ней, установка памятников в Одессе и Севастополе — отрадный факт, свидетельствующий о возрождении подлинного исторического сознания у проживающего здесь народа. В Новороссии на территории Украины существуют тысячи населенных пунктов, основанных благодаря указам Екатерины Великой, ставшей их подлинной исторической «матушкой». Но удивительная неблагодарность адептов «украинской идеи» по отношению к императрице, благодаря которой нынешняя Украина владеет примерно половиной (!) своей территории, отнюдь не случайна — ибо признать подлинные заслуги Екатерины означало бы признать явную неадекватность официальной украинской идеологии реалиям подлинной истории. Так, удивляет догмат официальной украинской идеологии о том, что Екатерина Великая якобы ввела крепостное право и «уничтожила» казачество. На самом деле известно, что только благодаря Екатерине возрожденное уже И. Мазепой крепостничество было значительно ограничено законом, а казачество после переселения из Запорожской Сечи заселило огромные, ранее недоступные ему пространства[14].

На территории современной Украины непосредственно соприкоснулись два полярных типа ментальности — «доисторическая», свойственная населению Западной Украины, не прошедшего испытания большой историей и опытом интенсивного модерна, и «новороссийская» — наоборот, основанная на интенсивном и даже катастрофическом опыте «мобилизационного модерна», близкий которому трудно найти даже в Европе. Иллюзией является представление, будто бы население Западной Украины, выпав из русла общей истории Русского мира на многие века, стало «европейцами» и якобы несет в себе европейский исторический опыт. В действительности, это было выпадением из истории как таковой — став колонией европейских стран, русины вплоть до начала XX века пребывали в состоянии grundvolk (термин В. Зомбарта) — т. е. населения, остающегося на доисторической стадии развития, фактически живущего на уровне натурального хозяйства. Мизерная прослойка русинской интеллигенции в городах при этом не имела никакого значения, нисколько не влияя на общий *доисторический* способ существования «русинского» этноса. Переход от архаического, доисторического мышления к модерному здесь происходил очень поздно, лишь с 1950-1960-х годов, и только благодаря вхождению в состав СССР. Сама украинская идентичность в качестве *феномена массового сознания* является специфическим продуктом советского периода истории: «именно победа большевиков и их национальной политики обеспечила формирование отдельной украинской национальной идентичности и закрепила раскол русской нации»[15].

В то же время население Новороссии, сформированное в эпоху интенсивного общеевропейского модерна, отличается самым высоким среди населения Украины развитием структур модерного, т. е. рационально-критического мышления именно на уровне массового сознания. Благодаря этому оно остается и наиболее устойчивым перед попытками любых идеологических манипуляций. Этим, в частности, объясняется тот факт, что именно Новороссия оказала столь упорное, и в конечном итоге успешное сопротивление известным событиям 2004 года. «Оранжевая» мифология, рассчитанная на эксплуатацию атавизмов домодерного мышления (утопизм, образ врага, культ личности, эмоции толпы и т. п.), именно здесь натолкнулась на массовый «иммунитет» к такого рода манипулятивным технологиям.

В отличие от украинской идентичности, построенной по моделям XIX в. и к настоящему времени являющейся лишь утопическим анахронизмом, «новороссийская» идентичность, наоборот, с самого начала несет в себе всю полноту исторического опыта XX века. Поэтому, что еще важнее, *она изначально включена в базовый тренд века XXI — выход из «антропологической катастрофы» модерна и глобального хаоса «постмодерна» к восстановлению той большой цивилизационной традиции, которая будет жизнеспособной после близкого краха глобальной «цивилизации потребления», и единственной «альтернативой» которой является лишь уход в историческое небытие*.

Проект глобального однополярного мира предполагал недопустимость воссоздания самостоятельного цивилизационного пространства Евразии, которое чем-либо выделялось бы из общего болота «третьего мира». В соответствии с этим проектом, как писал А. С. Панарин, «народы Евразии теряют единое большое пространство и погружаются в малые и затхлые пространства, где царят вражда, ревность и провинциальная зашоренность. Они теряют навыки эффективной экономической кооперации, социального и политического сотрудничества, превращаясь в разрозненных маргиналов нового глобального мира. Они теряют язык большой культуры и великую письменную (надэтническую) традицию, возвращаясь к этническим диалектам или даже придумывая их в случае реальной ненаходимости в прошлом»[16]. Современная Украина является характернейшим примером реализации всего перечисленного. Однако когда катастрофизм «разрозненных маргиналов» и иллюзорность «евромечтаний» станут очевидными большинству населения, его политические и цивилизационные предпочтения радикально изменятся. А это означает, что «новороссийская» идентичность со временем неизбежно станет из «оппозиционной» все более и более доминирующей среди населения Украины.

[14] Ульянов Н. И. Украинский сепаратизм. — М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. С. 177–194.

[15] Бондаренко Д. Я. Украинский национальный проект: история становления // Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов. — М.: МГУ, 2008. С. 73.

[16] Панарин А.С. Россия в социокультурном пространстве Евразии // Москва. — 2004. № 4. С. 185.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.